

— Дорогая госпожа Чэнь, кажется, я нашел его. Только не знаю, в каком углу он спрятался, — Диин, словно что-то вспомнив, заговорил поспешно. — Госпожа Чэнь, через десять минут отправьте мне на персональный интеллектуальный терминал контакты поисковой группы Имперской академии Проводников.

—

Звезда Деревянного Карлика.

Через два месяца поисковая группа Имперской академии Проводников прибыла на Звезду Деревянного Карлика. Они приехали значительно раньше, чем ожидал папа Хуа. Прибытие поисковой группы вызвало огромный ажиотаж, а семья Хуа, которой выпала честь принимать их, почувствовала небывалую гордость.

Причина, по которой поисковая группа выбрала семью Хуа, была проста: предыдущий Сверхбожественный проводник происходил из этого рода. Шестнадцать лет назад происхождение Сверхбожественного проводника было государственной тайной высшего уровня, а его гибель скрывала множество секретов, став темой, о которой высшие чины Империи предпочитали молчать. Медиа, всегда служившие Империи, естественно, не публиковали ничего на эту тему. Для простого народа Сверхбожественный проводник оставался загадкой: они знали о его существовании, но даже имени его не знали. Даже если бы он стоял перед ними, они бы его не узнали. К тому же Звезда Деревянного Карлика находилась слишком далеко от Имперской звезды, поэтому семья Хуа не знала, что их род породил Сверхбожественного проводника, и не понимала истинной причины, по которой поисковая группа выбрала их, полагая, что это связано лишь с их влиянием на Звезде Деревянного Карлика.

Родители Хуа Линя, однако, были уверены, что причина в том, что в их семье появился пробудившийся Проводник. Хотя они настаивали на том, чтобы Хуа Линь не отправлялся на Имперскую звезду, это не мешало им гордиться этим и хвастаться перед другими.

Конечно, всё это не имело никакого отношения к Хуа Е. У него появилась другая забота: с тех пор, как стало известно о прибытии поисковой группы на Звезду Деревянного Карлика, папа Хуа стал угрюмым, проводил больше времени в постели, ел меньше, его лицо стало мрачнее, а тело заметно похудело. Глядя на Хуа Е, он либо вздыхал, либо просто смотрел в пустоту.

В это время Цзян Чу навещал папу Хуа один раз. Они заперлись в комнате и долго разговаривали. Говорили они тихо, и Хуа Е, сидя в гостиной, не смог разобрать ни слова.

Через час в комнате разгорелся спор.

— Хуа Ци, ты всё ещё не можешь забыть его? Ты забыл, что он сделал с тобой в прошлом? — сказал Цзян Чу.

В памяти Хуа Е это был первый раз, когда Цзян Чу повысил голос на его отца. Цзян Чу был человеком с хамоватым характером, жестким снаружи, но перед папой Хуа он был как тигр без когтей, всегда улыбающийся и готовый терпеть любые упреки.

— Цзян Чу, ты ничего не понимаешь! Это мой сын, а не твой, тебе, естественно, не больно! — кричал папа Хуа.

— Как я могу не понимать? Если твой сын отправится на Имперскую звезду, он быстро узнает, что ты всё ещё жив! — ответил Цзян Чу.

Затем Хуа Е услышал громкий удар. Он с силой распахнул дверь и ворвался внутрь, увидев, что Цзян Чу сидит на полу, а его отец нависает над ним, с бледным, но краснеющим от гнева лицом, одной рукой держит воротник Цзян Чу, а другой, сжатой в кулак, занес для удара.

Хуа Е никогда не видел папу Хуа в таком опасном состоянии. Его глаза горели, словно у дикого зверя.

— Старик... — сердце Хуа Е дрогнуло, и он невольно выкрикнул.

Голос Хуа Е вернул папу Хуа к реальности. Он замер, а затем скатился с Цзян Чу, прислонившись к стене. Слезы, как крупные жемчужины, катились по его щекам. Хуа Е подошел, и голова отца уткнулась в его грудь, которая быстро промокла.

Цзян Чу, лежа на полу, тяжело дышал, а затем поднялся и сел рядом с папой Хуа. Он протянул руку, чтобы похлопать его по спине, но в конце концов убрал её, извиняясь:

— Хуа Ци, прости, я немного завелся. — Его голос стал горьким. — Что бы ты ни решил, я буду на твоей стороне.

Папа Хуа плакал всё сильнее, всхлипывая, а затем, рыдая, выкрикнул:

— Пошел вон!

Цзян Чу, присев рядом, долго смотрел на него, но в конце концов молча ушел.

После того как Цзян Чу ушел, папа Хуа вылез из объятий Хуа Е, посмотрел в сторону двери и хрипло спросил:

— Тот мерзавец ушел?

Хуа Е рукавом вытер слёзы с лица отца и с беспокойством спросил:

— Старик, что с тобой? Ты только что говорил с дядей Цзян...

— Сынок, я хочу спать! — вдруг прервал его папа Хуа, затем поднялся с пола, забрался на кровать, накрылся одеялом и вскоре захрапел.

Хуа Е промолчал. Все его вопросы застряли в горле, заглушённые храпом отца.

На следующий день, как только Хуа Е открыл глаза, на него бросили комплект одежды. Он повернул голову и увидел папу Хуа, одетого в черный костюм, с полосатым галстуком, волосы зачесаны назад, открывая чистый лоб и изящные черты лица. Щетина на подбородке исчезла, и, глядя на него, Хуа Е чуть не закрыл глаза, чтобы убедиться, что это не сон. Папа Хуа никогда не вставал так рано, не одевался так опрятно и никогда не выглядел так потрясающе!

— Вставай, умывайся и надевай это, — приказал папа Хуа.

Хуа Е взял комплект одежды: белую рубашку, черные брюки и черный жилет. Такой наряд он видел на Хуа Лине, и тот действительно выглядел как принц. Раньше Хуа Е тайно ему завидовал, но теперь, когда этот наряд лежал перед ним, он был не просто удивлен...

— Старик, ты что, собираешься продать сына? Если продашь меня, тебя некому будет кормить, — искренне сказал Хуа Е.

Папа Хуа подошел и шлепнул его по голове:

— Сынок, когда ты станешь таким же проворным, как твой отец? Не копайся, быстрее одевайся!

Хуа Е промолчал. Как человек, который целыми днями лежит в постели, может говорить такие вещи?!

После умывания Хуа Е надел этот наряд. Одежда сидела как влитая. В зеркале перед ним стоял высокий и стройный юноша. Из-за постоянного пребывания на солнце его кожа была слегка смуглой, но черты лица были изящными. Одежда преобразила его, и Хуа Е мгновенно избавился от образа маленького шахтера, превратившись в красивого юношу. Папа Хуа с удовлетворением оглядел сына с головы до ног и, наконец, повел его за собой.

— Старик, куда мы идем? — спросил Хуа Е.

— Увидишь, — таинственно ответил папа Хуа.

На самом деле этот маршрут был слишком знаком, и автобус ехал прямо в главное поместье семьи Хуа. Кроме того, Хуа Е смутно помнил, что сегодня был день теста на сверхспособности. В автобусе было полно людей, и все обсуждали тест, что подтвердило догадку Хуа Е.

Папа Хуа был любителем поучаствовать в шумных событиях, но Хуа Е чувствовал, что на этот раз всё было не так просто.

Они добрались до дома Хуа и вместе с толпой вошли в главный зал, где уже было полно людей, все вытягивали шеи, чтобы увидеть происходящее. На стене уже проецировалось видео, но все хотели увидеть всё вживую. Только Хуа Е и папа Хуа смотрели на экран.

Тест на сверхспособности уже начался. Двое мужчин в военной форме сидели в центре, на груди у них были медали Имперского военного министерства.

— Эти двое из поисковой группы, — сказал папа Хуа. — Этот высокий парень с плохим характером, всё время ходит с кислой миной, будто ему кто-то должен миллионы имперских монет!

Хуа Е посмотрел на человека, на которого указывал папа Хуа. Это был высокий мужчина с невозмутимым лицом, и Хуа Е согласился с описанием отца.

Другой человек был гораздо более дружелюбным. Он стоял, разговаривая с кем-то, и всё время улыбался. Его собеседник выглядел застенчиво и с любопытством — это был Хуа Линь.

Отец и сын Хуа одновременно скривились.

Тест на сверхспособности был довольно простым: Часовой сидел на месте, создавая ментальный барьер, а Проводник пытался проникнуть в его облако сознания. Если это удавалось, тест считался пройденным. Часовой с каменным лицом был экзаменатором, и один за другим Проводники подходили к нему, но все уходили с поникшими лицами.

— Последний, Хуа Линь! — раздался металлический голос, принадлежащий Часовому.

— Разве они не запретили ему ехать на Имперскую звезду? — тихо спросил Хуа Е.

Его вопрос вскоре получил ответ.

<http://bllate.org/book/16890/1565942>